

Андрей Кивинов

Русская угроза

Часть сборника
Русская угроза (сборник)

Андрей Владимирович Кивинов

Русская угроза

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978158
Русская угроза / Андрей Кивинов: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-43017-6, 978-5-9725-2275-0

Аннотация

«Говорят, каждый четвертый человек на земле страдает той или иной фобией. Даже самый смелый с виду супермен кого-нибудь да побаивается. Темноты или пауков, оживших мертвецов или женитьбы. Храбрая с виду Николь Кидман, к примеру, убегает от бабочек...»

Андрей Кивинов

Русская угроза

© Андрей Кивинов, 2012

© ООО «Астрель-СПб», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ВНИМАНИЕ:

В соответствии с проектом закона, внесенным на рассмотрение в Государственную Думу, чтение данной книги запрещено с 10 до 22 часов, как содержащей сцены насилия и жестокости.

*Черный юмор – убежище от светлого безумия.
Витаутас Каралюс.
Литовский писатель*

*Автор выражает признательность Александру
Борисовичу Цветкову*

Говорят, каждый четвертый человек на земле страдает той или иной фобией. Даже самый смелый с виду супермен кого-нибудь да побаивается. Темноты или пауков, оживших мертвецов или женитьбы. Храбрая с виду Николь Кидман, к примеру, убегает от бабочек. А мой покойный дядюшка панически боялся быков и, уходя на работу, просил тетюшку посмотреть – не пасется ли, случайно, перед подъездом рогатая скотина. «Да откуда в городе быки?!» «А ты на всякий случай – посмотри. Вдруг прибулдился?»

У каждой известной науке фобии, говорят, есть свое смешное название. Думаю, что моя фобия науке пока неизвестна, и имя ей не придумали.

Я боюсь канареек. Даже при одном упоминании этой вроде бы безобидной птички вздрагиваю, словно рядом с головой просвистела шальная пуля, выпущенная пьяным полицейским. Фобия эта, к счастью, не врожденная, не переданная по наследству, а приобретенная лет пятнадцать назад – в ту славную пору, когда в моду входили совместные предприятия, а многие ныне открытые города жили под грифом «секретно». Поэтому я не оставляю надежды от нее избавиться.

Но сейчас, стоя перед клеткой с упомянутой тварью, якобы привезенной с Канарских островов, я чувствую легкую слабость в ногах, учащение пульса, и рука автоматически тянется к коробочке со спасительным анаприлином, несущим бессменную вахту в кармане пиджака.

– Вы в порядке? – не без искренности в голосе интересуется продавец птичьего рынка, видимо заметив мою бледность и дрожь в пальцах.

– Да... Жарковато сегодня. Спасибо.

Конечно, до такого странного состояния довела меня не птичка. Это ведь всего лишь маленькое невинное создание, клюющее корм и радующее нас, людей, своим переливистым пением. У некоторых птицелюбов их по два десятка на пятнадцать квадратных метров жилплощади. И ничего. Никаких инфарктов, стрессов и телесных повреждений. Ну разве что уши иногда закладывает.

Я запихиваю под язык горькую таблетку, пульс успокаивается, но слабость еще есть. Прошу разрешения у продавца присесть на его складной стульчик и, увидев положительный кивок, опускаюсь в тень навеса, закрывающего клетки с пернатыми от прямых солнечных лучей. Надо немного перевести дух.

Я закрываю глаза и вместо рынка оказываюсь в относительно недалеком прошлом за рулем нового черного «Ниссана», несущегося по трассе в направлении российско-эстонской границы. Встречный ветер врывается в приоткрытое окно – словно ладошка любимой женщины гладит мое, еще свежее, не морщинистое лицо. Оркестр Поля Мориа улаживает слух через превосходную акустическую систему, а солнечный пейзаж за окном радуется пока еще зоркие очи. Сзади

любуются российскими видами мои финские компаньоны – Арви и Микко, солидные мужи примерно сорока лет от роду, серьезные и уважаемые в Суоми люди, чьи фамилии никогда не всплывут в СМИ из-за какого-нибудь скандала. Вся их капиталистическая жизнь пронизана богобоязненностью и законопослушанием. Как-то раз, будучи в Хельсинки, в присутствии Микко я хотел купить у уличного торговца пиратский CD. Продавец, к слову, был из Питера, своих пиратов у них не водится. Микко, увидев это, отвел меня в сторону и стал абсолютно серьезно доказывать, что делать подобного не стоит – мол, диски не лицензионные, авторы несут убытки, а государство лишается налогов. «Микко, успокойся! Никто не увидит! – улыбаясь, возразил я. – А от одного диска ни автор, ни ваше государство не обеднеет». «Какая разница?! Это незаконно!» Конечно, не все финские господа такие задвинутые, я говорю только о Микко и Арви. Предложить им дать взятку дорожному полицейскому так же бесполезно, как уговаривать лезвие гильотины падать не вниз, а вверх.

Господа уже выучили несколько русских слов, необходимых для установления контакта: «Привет», «Как дела», «Хорошо», «Спасибо» – и произносят их практически без акцента. Мало того, не собираются останавливаться на достигнутом, а живо интересуются могучим языком добрых соседей. Например, десять минут назад Арви спросил, что означает одно слово, которое он регулярно слышит в разговорах русских, но не может отыскать его в словарях. Слово, как

вы догадались, и не могло попасть в нормальный словарь. А только в специальный, предназначенный для исследователей ненормативной лексики. Обычно оно хорошо сочетается с прилагательным «полный» и глаголом «пришел». Мой финский, разумеется, тоже далек от совершенства, но я не комплекую и не нервничаю.

– Видишь ли, Арви... Это слово не имеет буквального перевода. А выражает крайнюю степень человеческих эмоций. Отрицательных или положительных. В зависимости от контекста. Понимаешь?

– Нет, Алекс... Как можно и радость и горе оценивать одним словом?

– У нас можно... Представь, что ты провел ночь с прекрасной девушкой в шикарном отеле... Утром выходишь на балкон, видишь синее море, пальмы, солнышко. Блаженство. Ты потягиваешься и непроизвольно произносишь это самое слово. Но когда ты выходишь из отеля, а нерадивая горничная роняет тебе с балкона на башку цветочный горшок, ты опять-таки непроизвольно говоришь его же. Теперь понял?

– Значит, если я увижу тебя случайно на улице, я могу его сказать?

– Сказать, конечно, можешь, но тебя неправильно поймут да еще дадут пятнадцать суток, если рядом окажется милиционер.

– Но почему? Мне же приятно тебя видеть! И все в России его открыто говорят, я сам слышал! Даже в эфире!

– Друг мой, есть те, кому можно говорить, и те, кому нельзя. У нас за плечами восемь веков тоталитаризма.

При чем здесь тоталитаризм, я уточнять не стал, но Арви нашел этот аргумент убедительным и больше ко мне с распросами не приставал. Лишь шевеление его губ подсказывало, что идет напряженный мыслительный процесс.

– А кто такой «Екарный бабай»? – вступает в разговор Микко.

– Это очень страшный человек. Тебе лучше не знать.

Общаемся мы, само собой, по-фински, благо я довольно прилично им владею. С того исторического момента, когда моя родная Эстония объявила себя независимой, я понял, что надо срочно учить какой-нибудь язык и вовсе не обязательно английский. Ибо деловые контакты придется наводить с ближайшими соседями. И как в воду глядел. Зато теперь я, простой русский парень, родившийся под Курском и проживший почти всю сознательную жизнь в эстонской Нарве, ощущал себя настоящим европейцем, для которого чужды понятия «расизм» и «ксенофобия», но близко популярное слово «толерантность». Хотя тридцать лет жизни под пятой империи дают о себе знать. Нет-нет да и промелькнет в сознании какое-нибудь словечко типа «пидоры»... Но только в сознании.

Едва пали тяжкие оковы оккупации, я понял, что теперь придется выживать: Европа, хоть и поманила сладким калачом инвестиций, но угощать им не торопилась. Разве что

предложила банковские кредиты. Моя основная профессия – технолог машиностроительного предприятия – быстро накрылась вместе с самим предприятием. Запчасти для военных самолетов оккупантов, выпускаемые нарвским «режимным объектом», по идеологическим причинам оказались невостребованными. «Объект» продали то ли датчанам, то ли немцам, а всех угнетенных работников наконец-то освободили от советского ига. Правда, ничего не предоставив взамен. Но речь не о том...

Подрастающие детки, несмотря на свободу, требовали регулярной пищи, широко, по-птичьи открывая рты, и единственным способом унять их аппетит, а заодно и свой оказалась спекуляция товарами народного потребления. И финский язык оказался весьма кстати: без него хоть ложись на асфальт и пропадай.

Разбил свинью-кубышку, обменял старорежимные рубли на валюту и рванул к скандинавам, предварительно найдя связных. Тех, кто мог познакомить и отрекомендовать. Вояж удался, вернулся я с визитками в кармане, выхлопом изо рта и надеждой подняться с колен.

Прикинул, что спекулировать ядерными боеголовками или самолетными двигателями не стоит. Так же, как и автомобилями. Выбрал тему попроще и понадежней. Краски, бытовая химия и сопутствующие товары. То, чего у богатого соседа полным-полно, да еще и по оптовым ценам.

И все вроде бы хорошо, но оказалось, что спекулировать

в независимой Эстонии – все равно что торговать квадратными колесами. Как говорит старая мудрость: для того чтобы купить что-нибудь ненужное, надо продать что-нибудь ненужное. Или хотя бы произвести. А когда все хотят продать, ничего не производя, наступает состояние, обозначаемое словом, вызвавшим столь живое любопытство у Арви.

То ли дело Россия! Там с производством тоже не сахар, но зато есть что предложить взамен. Те же углеводороды или древесинка, например. И, соответственно, ее население хочет раскрасить свою жизнь. И хорошая, качественная краска не кажется им предметом роскоши. И чистящие средства не вызывают пренебрежительной ухмылки.

После продажи первой партии я наполовину погасил взятый в банке кредит, после второй накормил детей, а после третьей купил в рассрочку новый «Ниссан». А теперь подумываю, не пора ли открыть в Северной столице России собственный магазин, а не распихивать товар по чужим торговым точкам. Питер я выбрал из двух кандидатур исключительно из географического положения. Но речь не о том.

Товар для спекуляции, как вы поняли, я покупаю у Арви и Микко, у кого покупают они, я не в курсе. Короче, вот такая у меня жизнь. Русский по крови, эстонец по гражданству, финн по бизнесу, испанец по духу. Дядюшка, боявшийся бычков, имел испанские корни. Что-то перепало и мне. А по паспорту – вообще человек без отчества. Если раньше, до освобождения, меня звали Алексей Викторович, то теперь

просто Алексей. Алекс. Как принято на Западе. Хорошо, что я сохранил старый паспорт, в котором я по-прежнему Викторович.

Мы возвращаемся из Питера, куда я вывозил партнеров для закрепления деловых отношений. А заодно показать помещение, которое планирую взять в аренду. Партнерам ведь не все равно, где будет продаваться их красочка. В Россию, несмотря на солидный возраст, они выбрались впервые, всего боялись и ходили, держась за руки, словно пионеры в музее Ленина. В каждом прохожем видели бандита, а в каждой собачке – медведя. И только в ресторане, испив водочки, немного успокоились.

Три дня назад я встретил их на российско-финской границе, отвез, устроил в отель, накормил и напоил. Помещение будущего магазина им понравилось, и они сказали волшебное слово «Я», что переводится с финского, как «о'кей». Для закрепления успеха и дальнейшего духовного сближения я предложил им ознакомительный тур в Нарву, на свою новую старую родину. Познакомить, так сказать, и впечатлить. Оттуда Арви с Микко доедут до Таллина, сядут на паром и уплывут домой. Господа не отказались, благо все расходы, как гостеприимный хозяин, я взял на себя.

И вот мы катим в направлении Ивангорода, где находится пограничный пункт, таможня и, разумеется, дьюти-фри. На часах четыре, я надеюсь, что очереди из машин не будет – народ пока предпочитает автобус и пеший ход.

На сиденье, между обширными животами поставщиков, зажата клетка размером с обувную коробку. А в ней маленькая желтая птичка. Живая. По фамилии канарейка. Вещь в хозяйстве практичного, делового человека абсолютно бесполезная. Ни поджарить, ни подушку из перьев набить. Птичка не моя и не финская. Мой старинный питерский приятель, оказавший помощь с гостиницей, узнав, что на днях я еду в Нарву, попросил передать его племяннице небольшой подарок. На день рождения. Я, как благодарный человек, в таком пустяке отказать не мог. Этим подарком и была канарейка. Мол, девочка любит птиц, но специально из-за этого тащиться за рубеж не хочется.

– Не вопрос! Передам в лучшем виде! Это же не автоматы и не героин!

Птичка, как и мы, слушает оркестр Поля Мориа и не чирикает. По совету приятеля я накрыл клетку большим носовым платком, чтобы не вызвать у пернатого стресс и панику, связанные с переменой мест.

А сам я, несмотря на убитую дорогу, как могу, пытаюсь сломать стереотипы в отношении русского народа, убеждаю, что не такие мы и страшные, а наоборот, несем миру тепло и свет.

– Ты говоришь о нефти и электричестве? – уточняет Арви, поправляя свои изящные очки, которые стоят как подержанные «Жигули».

– Нет, Арви... Я говорю о том, что тоталитаризм не смог

до конца убить в нас тягу к добру. Тянем и тянем...

Когда бортовые часы зафиксировали половину пятого по Москве, мы въезжаем в Ивангород, знакомый любому цивилизованному человеку как стратегический приграничный объект. Я ведь не случайно помянул так называемые «закрытые» города. Ивангород входил в их число. А это значит, что на въезде в него надо купить за деньги специальный талон и дальше следовать исключительно по одной улице до границы, никуда не сворачивая. Шаг влево, шаг вправо – сами догадываетесь что. Большие финансовые потери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.